

— Ой, да какое еще недоразумение? — Кэ Суй потащил Гун Чэня за собой по коридору. — Он сам промолчал, мы не нарочно. Забудем, будто ничего и не было. Идем скорее на пир, а то опоздаем.

Когда они втроем поспешно вошли в залу, празднество как раз начиналось.

Окинув взглядом просторное помещение, Гун Чэнь заметил во главе столов главу клана Сюй с супругой. Но едва он разглядел лицо хозяина дома, как его собственное лицо слегка изменилось.

Как это мог быть он?!

Восемь лет назад, когда Гун Чэнь в отчаянии бросился за спасением в Даосскую беседку, там оказались двое заклинателей в лазурных одеждах. Одним из них был Фан Сяньшань, а вторым — не кто иной, как нынешний глава клана Сюй, Сюй Цзиньчжоу!

Тогда именно Сюй Цзиньчжоу одной фразой удержал остальных даосов, не позволив им последовать за мальчиком, и тем самым развязал руки Фан Сяньшаню.

Чудом уцелев и сбежав, Гун Чэнь больше не пытался просить помощи у Даосской беседки: он подозревал, что оба заклинателя были заодно с призрачной тенью. Обратиться к ним вновь означало бы по собственной воле пойти на плаху.

Грудь внезапно сдавила невыносимая, щемящая боль.

Прикрываясь широким рукавом, Гун Чэнь торопливо выудил из-за пазухи флакон с каплями, поднес к губам чарку чая и, сделав вид, будто пьет, проглотил две пилюли. Ему жизненно необходимо было взять себя в руки. Его сердце когда-то пробили насквозь; жизнь тогда удалось спасти, но старая рана оставила после себя неизлечимый недуг.

Перед уходом он точно принимал лекарство, отчего же теперь...

"Город Крика Феникса... Фан Сяньшань... глава клана Сюй... и этот внезапный приступ... Простое ли это совпадение?"

Если нет, то сегодня ему, должно быть, не сносить головы.

Музыка тем временем приближалась к кульминации. Дробно загремели барабаны, зазвенели медные бубенцы, и в залу один за другим заскользили семь или восемь актеров в пестрых одеждах и масках из ивового дерева. Мелодия то ускорялась, то затихала. Лицедееи взмывали в

воздух, стелились по полу в стремительном беге, и каждое их движение дышало свирепой силой, сплавленной с безупречным изяществом.

Грянул резкий удар гонга. "Божество" гневно распахнуло очи, а "нечисть" в панике бросилась врассыпную. Древнее предание о том, как на Город Крика Феникса сошел бессмертный и сокрушил демонов, оживало перед глазами зрителей. Гости восторженно рукоплескали, крики одобрения слились в громоподобный гул.

Гун Чэнь затаил дыхание, его взгляд незаметно скользил по лицам. Пир был в самом разгаре, и маски носили немногие. Отбросив женщин, стариков и людей иного телосложения, он выделил пятерых... Кто же из них мог оказаться Фан Сяньшанем?

— Цинь-эр.

Кто-то внезапно опустил ладонь ему на плечо. Гун Чэнь вздрогнул всем телом:

— Дядя Дуань?

Дуань Тяньлань, услышав приглушенный маской голос, нахмурился:

— Ты Гун Чэнь? А где тогда Цинь-эр?

Гун Чэнь онемел от изумления. Надо же, чтобы отец не узнал собственного сына...

Постойте.

Он в замешательстве коснулся маски. В груди похолодело от страшной догадки.

Они с Дуань Цинем были одного роста и сложения. И хотя покрой их одежд различился, обе были черными, а на лицах красовались совершенно одинаковые маски.

Если уж родной отец обознался с первого взгляда, то что говорить о чужаках?

"Если кто-то замышляет убить меня..."

В этот самый миг у входа в Сад Весеннего Сияния показался знакомый силуэт — то был Дуань Цинь, тоже в маске.

И одновременно с этим один из пяти подозреваемых "случайно" выронил пиалу. На фоне гремющей музыки тихий звон разбитого фарфора прозвучал едва различимо.

Но это был условный знак.

Тотчас один из актеров, изображавших мечущуюся нечисть, "в панике" метнулся прямо к Дуань Циню. Из его широкого рукава хищно сверкнуло стальное острие.

Гун Чэнь сорвал с себя маску и закричал во весь голос:

— Дуань Цинь, берегись его!

Дуань Цинь толком не сообразил, что стряслось, но повиновался инстинкту и резко отшатнулся. В ту же секунду широкая спина Дуань Тяньлани уже заслонила сына. Глава клана нанес сокрушительный удар ладонью — нападавшего отбросило на несколько чжанов. Тот покатился по полу, заходясь кровавым кашлем.

— Отец?! — Дуань Цинь побледнел, не веря собственным глазам.

— Убийца?!

Зал взорвался криками, толпа смешалась.

Не успел Гун Чэнь перевести дух, как заметил, что человек, разбивший пиалу, поднялся с места и спешно направляется к выходу. Гун Чэнь ринулся следом, проталкиваясь сквозь испуганных гостей. Но стоило ему добежать до дверей, как грудь пронзила такая дикая боль, что он покачнулся и едва не рухнул.

— С тобой все в порядке? — чьи-то пальцы крепко подхватили его под локоть, раздался негромкий голос.

— Все хорошо...

— Хорошо? — тон незнакомца мгновенно переменялся, послышался тихий смешок. — Какая досада.

Этот смех... точно такой же, как тогда. Наглый, издевательский, вызывающий тошноту.

Кровь застыла в жилах Гун Чэня.

— Давно не виделись, — вздохнул Фан Сяньшань за его спиной. — А ты все такой же жалкий слабак.

Возразить было нечего.

Его горло стиснули железные пальцы. Дыхание перехватило, а вялые попытки вырваться казались ничтожными. В тот миг, когда Гун Чэнь сорвал маску и выкрикнул имя Дуань Циня, он сознательно раскрыл себя, переманив смертельную угрозу на собственную голову.

Вот только внимание, которое всецело принадлежало молодому господину Дуаню, ему самому никогда бы не досталось. Никто в шумном зале даже не взглянул в этот темный угол, где угасала жизнь подростка.

— Потерпи еще немного, — с притворным сочувствием прошептал Фан Сяньшань. — Будет до слез жаль, если ты сдохнешь слишком быстро.

Сознание Гун Чэня туманилось. Из последних сил он впивался ногтями в державшую его руку, оставляя на ней глубокие багровые полосы. Фан Сяньшань не лгал: он действительно был слаб. Все эти годы он словно карабкался по отвесной скале, где любой брошенный сверху камень мог сорвать его в бездну.

Гадатели пророчили ему скорую смерть.

В четыре года его сердце пронзили насквозь — выжил.

Лекари твердили, что он не протянет и десяти лет.

Миновал десятый день рождения — все еще жив.

Он не ведал, когда сорвется вниз, но твердо знал: внизу нет рук, готовых его поймать. И чем ты слабее, тем отчаяннее должен цепляться за жизнь — любыми путями, не гнушаясь ничем.

Что-то проникло в свежие царапины на коже Фан Сяньшаня.

— Яд? Ха! Думаешь, какая-то дешевая отравка возьмет меня? — презрительно фыркнул тот, почувствовав лишь легкое онемение.

Однако мгновение спустя растерзанная плоть начала чернеть и гнить. Рука горела так, словно ее опустили в кипящее масло: кожа вздулась пузырями и сползала лоскутами, издавая шипение!

Он взвыл от боли и разжал пальцы.

— Ах ты щенок... недооценил я тебя. Что ж, раз сам напросился, я сейчас...

— И что же ты сделаешь?

Ослепительно белое лезвие меча легло на шею Фан Сяньшаня, пустив тонкую струйку крови.

Этот голос...

Гун Чэнь судорожно ловил ртом воздух. Не успел он поднять голову, как чья-то рука мягко, но властно увлекла его назад, заслоняя от врага.

— Займись им, — раздался над ухом чистый, холодный голос, похожий на весенний ветер.

— Будет исполнено.

Знакомая девица с улыбкой поддержала шатающегося Гун Чэня. На ее ладони заструилась лазурная духовная энергия, растворяя целебную пилюлю, которую она тотчас вложила ему в рот.

— Снова здравствуй, молодой господин.

— Благодарю... — прошептал Гун Чэнь.

Ему и в голову не могло прийти, что первым его спасет именно Сюй Цыань.

Тот уже сошелся в схватке с Фан Сяньшанем. Гун Чэнь видел лишь его спину — стройную, горделивую осанку юноши. Сюй Цыань двигался с безупречной точностью, его меч рассыпал морозные искры, и за каждым ударом крылась беспощадная жажда крови.

Им обоим было по двенадцать лет.

Но один из них лежал в грязи, а второй сиял подобно солнцу.

Гун Чэнь смотрел на него не отрываясь, и в его душе медленно рождалось чувство, которому он сам не мог дать имени.

Это не было завистью или досадой от собственного бессилия.

Скорее благоговение, восхищение... и еще что-то неуловимое, глубокое.

— Гун Чэнь! Ты жив?!

Знакомый голос вырвал его из забытья. Кэ Суй буквально подлетел к нему, схватил за запястье и прижал пальцы к бьющейся жилке.

— Да как же так... Меридианы сердца совсем запутались! Ты что, забыл принять лекарство? — Кэ Суй лихорадочно вытащил из-за пазухи точно такой же флакон, как у самого Гун Чэня.

Гун Чэнь слабо качнул головой и вымученно улыбнулся:

— Принял... Но в этот раз оно не помогло.

— Позволь мне взглянуть, — раздался рядом мягкий, глубокий голос.

— Отец! — вскричал Кэ Суй, точно увидев избавителя.

Гун Чэнь ошеломленно моргнул. Они с Кэ Суем дружили давно, но ему еще ни разу не доводилось видеть его отца — знаменитого лекаря, которого в народе звали божественным.

К его спине прижалась теплая, сухая ладонь. Мягкий поток духовной силы хлынул в меридианы, умирив бурю в груди. Боль отступала шаг за шагом. Напряжение, сковавшее все его существо, разом спало, и веки налились свинцовой тяжестью.

— Не бойся, — ласково проговорил старший Кэ. — Твоему телу нужен покой. Закрой глаза и усни.

— Благо... дарю... вас.

Какой же он добрый. От его голоса в памяти Гун Чэня невольно ожил образ собственного отца. Мальчик послушно закрыл глаза и погрузился в сон.

Тем временем схватка на пороге подходила к концу.

Сюй Цзиньчжоу намеренно не вмешивался и не позволял стражам вмешиваться: ему хотелось проверить, на что способен его сын. И юноша не подвел. Находясь лишь на стадии Золотого ядра, Сюй Цыань уверенно выдержал несколько десятков обменов ударами. Разумеется, продолжайся бой дольше, его духовные силы иссякли бы первыми.

— Не зря тебя кличут гением клана Сюй, — выплюнул Фан Сяньшань. — Не чета тому жалкому отбросу, который умеет лишь пакостить исподтишка.

— Терпеть не могу собачий лай, — холодно отозвался Сюй Цыань, убирая клинок. — С меня довольно. Схватить его.

Едва сорвался этот приказ, как из теней соткались четыре призрачные фигуры. Вспышка мощной духовной энергии вмиг сковала Фан Сяньшаня, заставив его рухнуть на колени.

Будь Гун Чэнь в сознании, он бы сразу узнал в них тех четырех кукол-двойников, что некогда указали ему путь, хором выкрикнув направления света.

Один из стражей сорвал с пленника маску. Под ней оказалось лишь плоское, лишенное черт лицо — безглазая и безротая глина.

— Обычная кукла-двойник, да к тому же топорной работы. Даже лица поленились нарисовать, — разочарованно протянула стоявшая рядом девица. — То-то я гляжу, он слишком слаб.

— Хе-хе-хе... — раздался мертвый смешок куклы-двойника. — На сегодня представление окончено, господа. До но...

Договорить он не успел: стальное лезвие насквозь пробило его горло.

Несколько темных капель брызнули на маску рыси. Сюй Цыань брезгливо сбросил ее на пол. Кукла-двойник все равно была обречена на саморазрушение, так что этот удар казался бессмысленным и лишь пачкал руки.

Сюй Цзиньчжоу нахмурился, собираясь отчитать сына, но Ли Наньюань лишь весело рассмеялась:

— Какая жестокость, прелестно. Но будь на твоём месте я, я бы сперва сохранила ему жизнь, чтобы продлить мучения.

Сюй Цыань вложил меч в ножны и серьезно кивнул:

— Я запомню ваши слова, матушка.

Сюй Цзиньчжоу лишь обреченно вздохнул, глядя на жену и сына. Не тратя времени на пустые разговоры, он поспешил в зал — успокаивать испуганных гостей и отдавать приказы о поиске сообщников нападавших.

Сюй Цыань расспросил одного из слуг и уже собирался уйти, когда мать окликнула его.

— Не переживай так. С ним господин Кэ, малец выкарабкается.

Юноша замер на месте, а затем обернулся:

— Мне просто нужно задать ему пару вопросов.

— Вот как?

— Именно.

— Признайся матери: ты ведь знал его прежде?

Сюй Цыань помолчал немного, устремив взгляд куда-то вдаль, и тихо ответил:

— Мы встречались однажды.

В первые годы после рождения сына Сюй Цзиньчжоу еще не унаследовал бразды правления кланом Сюй, а Ли Наньюань еще не звалась старейшиной Цюньюэ на Небесах Пурпурной Кости. Оба были целиком поглощены своими делами, безоговорочно доверяли друг другу и вечно скитались по разным уголкам Поднебесной.

Как же они растили дитя?

Договорились просто: один год воспитывает отец, следующий — мать. Так они и сменяли друг друга. Из-за этого характер юного Сюй Цыаня сочетал в себе черты почти несовместимые: то он вел себя сдержанно и рассудительно, как отец, то вдруг становился взбалмошным и горделивым, точь-в-точь как матушка.

В двести двадцатый год эры Шэннин пятилетний Сюй Цыань, едва отпраздновав день рождения, прибыл вместе с отцом в Ланьчэн.

— Няньнянь, у отца впереди очень много важных дел, — мягко заговорил Сюй Цзиньчжоу. — Ближайшие три дня я не смогу возвращаться домой. Ты...

— Все в порядке, — перебил его малыш, не отрываясь от толстого фолианта. — Занимайся делами, а я буду прилежно тренироваться.

Сюй Цзиньчжоу так и застыл. Он заранее заготовил кучу ласковых слов, чтобы утешить сына, а тот согласился без единого каприза.

— И все же, отец...

Сюй Цыань захлопнул книгу и поднял на него серьезные ясные глаза:

— Я ведь могу увлечься и забыть поесть, попить или лечь спать. Думаю, трех дней как раз хватит, чтобы по возвращении ты нашел мой бездыханный труп.

Сюй Цзиньчжоу лишился дара речи. Ну и речи для пятилетнего ребенка! Одному богу известно, чему его успела обучить благоверная за прошлый год. Впрочем, и мать, и сын обладали редким даром загонять его в тупик своими речами.

— Что ж... Давай я найду слугу, который присмотрит за тобой? — предложил отец.

— Отличная мысль, — рассудил Сюй Цыань. — Надеюсь только, он окажется человеком надежным. А не то, если у него возникнут дурные намерения, твой сын окажется в ловушке. И сколько бы я ни взывал к Небесам, сколько бы ни умолял Землю...

— Пощади! — взмолился Сюй Цзиньчжоу, не в силах больше слушать эти трагические излияния. — Все, решено. Я буду возвращаться каждый вечер, обещаю.

Подумаешь, провести несколько ночей без сна. Разве будущий глава великого клана Сюй не справится с такой малостью?

На губах мальчика заиграла лукавая победоносная улыбка.

— Я выиграл! — он вздернул подбородок с явным торжеством. — Значит, для тебя я все-таки важнее любых государственных дел, верно?

— Верно, — Сюй Цзиньчжоу присел перед ним на корточки и легонько щелкнул его по лбу. — Нет в этом мире ничего важнее тебя и твоей матери. Теперь ты доволен, маленькое божество?

— Вполне, — кивнул довольный Сюй Цыань.

Подражая матери, он протянул крохотную ладошку и взъерошил отцу волосы на макушке.

— Матушка всегда говорит: главное — это верный подход, — звонко произнес он. — Я ведь просто шутил. Даже если ты оставишь меня, я справлюсь. Мой отец — великий герой, он должен спасать людей.

— Спасибо тебе, Няньнянь, — глаза Сюй Цзиньчжоу потеплели. — Отец виноват перед тобой. Обещаю, потерпи всего три дня, и на праздник Фонарей я буду принадлежать только тебе.

Мальчик поднял вверх один пальчик и, слегка прикусив губу, тихо попросил:

— На весь день. Без остатка.

— Ох, надо же, наш суровый молодой господин умеет ластиться, — рассмеялся Сюй Цзиньчжоу, осторожно коснувшись его пальца своим. — Хорошо, договорились. Весь день.

Когда отец ушел, Сюй Цыань улегся на кровать и еще долго катался по подушкам, сжимая тот самый палец. Разумеется, он ни за что не признался бы родителю, как сильно рад. Наследнику клана Сюй пристало хранить невозмутимость и достоинство, так забавляться следовало исключительно втайне от чужих глаз.

Внезапно с улицы донесся истошный детский вопль, быстро приближавшийся к воротам усадьбы:

— На помощь! Помогите кто-нибудь! Да не беги ты за мной! Я не мылся уже целую неделю, я невкусный! А-а-а-а!

Сюй Цыань мгновенно соскочил с постели, подхватил со стола маску и тренировочный деревянный меч. Благородному мужу надлежит без раздумий бросаться на выручку слабым, не прося ничего взамен — таков был кодекс чести, вбитый ему в голову с младенчества.

Он распахнул двери и выбежал во двор. Крики раздавались совсем рядом, и вскоре перед его глазами замелькал чей-то силуэт в темных одеждах.

Только Сюй Цыань собрался заговорить...

Как незнакомец, отчаянно перебирая короткими ножками, промчался мимо него вихрем, даже не удостоив взглядом.

Юный наследник застыл на месте с полукруглым ртом.

Простояв так несколько мгновений, Сюй Цыань огляделся по сторонам и с удивлением обнаружил, что за беглецом никто не гонится. Позади царила полная тишина.

"И от кого же он так удирал?"

Не найдя разумного объяснения этому безумию, он пожал плечами и повернул обратно к дому.

Но не успел он переступить порог, как давешний паренек, сделав круг по переулку, влетел следом за ним, навалился спиной на створку двери и торопливо запер ее на засов. Тяжело отдуваясь и утирая пот со лба, он пролепетал:

— Братец... Не выходи наружу... Там... там злющий огромный пес... Ты обожди здесь... Я сейчас... отдышусь и загоняю его до смерти...

Сюй Цыань лишь молча уставился на него.

"Может, ты сначала научишься говорить как нормальный человек?"

<http://bllate.org/book/20729/2141126>